

Сычев Олег Анатольевич

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина

Протасова Ирина Николаевна

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина

**СВЯЗЬ МОРАЛИ, ЦЕННОСТЕЙ И ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА
С ЭКСТРЕМИСТСКИМИ УСТАНОВКАМИ МОЛОДЕЖИ***Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект 18-013-00119*

Прошлые исследования экстремистских установок показывают, что наряду с такими установками, как национализм, ксенофобия, религиозный фанатизм, существенное значение имеет также тенденция к оправданию использования насилия в политических целях. Экстремистские установки и легитимизация политического насилия могут быть связаны с правовым нигилизмом, а также особенностями моральной и ценностной сфер личности. На выборке из 114 студентов с помощью опросников моральных оснований (Дж. Грэхем и др.) и базовых ценностей (Ш. Шварц) показано, что спланирующие моральные основания (лояльность, уважение, чистота) поддерживают экстремистские установки (по опроснику К.В. Злоказова) и легитимизацию политического насилия (по опроснику С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского), а индивидуализирующие моральные основания (забота и справедливость) и ценности самопреодоления противостоят им. Правовой нигилизм поддерживает националистические установки и оправдание насилия в политической сфере, в том числе в ходе политических протестов.

Ключевые слова: мораль, ценности, правовой нигилизм, экстремистские установки, легитимизация насилия

Информация об авторах: Сычев Олег Анатольевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

E-mail: osn1@mail.ru

Протасова Ирина Николаевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

E-mail: protasovain@mail.ru**Дата поступления статьи:** 04.10.2020

Для цитирования: Сычев О.А., Протасова И.Н. Связь морали, ценностей и правового нигилизма с экстремистскими установками молодежи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 4. С. 74-79. DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-74-79>

Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State University for the Humanities and Pedagogy

Irina N. Protasova

Shukshin Altai State University for the Humanities and Pedagogy

**THE INTERCONNECTION OF MORALITY, VALUES
AND LEGAL NIHILISM WITH EXTREMIST ATTITUDES OF YOUTH***This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-013-00119*

Past studies of extremist attitudes showed that along with such attitudes as nationalism, xenophobia, religious fanaticism, the tendency to justify the use of violence for political purposes is highly relevant to the problem of radicalisation. Extremist attitudes and the legitimisation of political violence can be associated with legal nihilism, as well as features of the person's moral and value spheres. On a sample of 114 students using questionnaires of moral foundations (Jesse Graham et al.) and basic values (Shalom Schwartz), it was shown that binding moral foundations (loyalty, authority, purity) support extremist attitudes (by the questionnaire of Kirill Zlokazov) and the legitimisation of political violence (by the scale of Sergey Yenikolopov and Nikolay Tsibul'skiy), while individualising moral foundations (care and fairness) and the self-transcendence values are opposed to them. Legal nihilism supports nationalist attitudes and the justification of violence in the political sphere, including the violence during political protests.

Keywords: morality, values, legal nihilism, extremist attitudes, legitimisation of violence

Information about the authors: Oleg A. Sychev, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Shukshin Altai State University for the Humanities and Pedagogy, Biysk, Altai Land, Russia

E-mail: osn1@mail.ru

Irina N. Protasova, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Shukshin Altai State University for the Humanities and Pedagogy, Biysk, Altai Land, Russia

E-mail: protasovain@mail.ru**Article received:** October 4, 2020

For citation: Sychev O.A., Protasova I.N. The interconnection of morality, values and legal nihilism with extremist attitudes of youth. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2020, vol. 26, № 4, pp. 74-79 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-74-79>

Актуальность исследования экстремистских установок и их психологических основ объясняется необходимостью совершенствования работы по профилактике экстремистского поведения среди молодежи. Хотя экстремистские действия являются относительно редким типом преступлений, их высокая общественная опасность оправдывает то внимание, которое уделяется этой проблеме в науке. В соответствии с «пирамидной» моделью радикализации основу для венчающих пирамиду редких экстремистских преступлений составляет широкий круг пассивных сторонников, одобряющих такие действия и разделяющих подобные убеждения [McCauley, Moskalenko]. Из такой модели следует, что профилактика экстремизма должна быть направлена в первую очередь на изменение установок широкой массы молчаливых и пассивных сторонников радикальных убеждений, а также на предотвращение формирования таких убеждений в молодежной среде. При этом одной из важных исследовательских задач, решение которой необходимо для успешной практической работы в этом направлении, является описание основных экстремистских установок и выявление поддерживающих их психологических факторов.

В психологических исследованиях экстремизма значительное внимание уделяется различным установкам, лежащим в основе национального и религиозного экстремизма. Примером подобного подхода являются исследования К.В. Злоказова, в результате которых был разработан опросник экстремистских установок [Злоказов], направленный на измерение национализма, ксенофобии, религиозного фанатизма и авторитаризма. Разделяя представления о важности этих установок для объяснения национального и религиозного экстремизма, мы склонны полагать, что для понимания других важных проявлений экстремизма (в частности, политического экстремизма) может оказаться полезным анализ иных установок, более релевантных этой сфере общественной жизни.

Политический экстремизм как незаконные, насильственные действия, направленные на реализацию некоторых политических убеждений, в течение долгого времени был и остается одной из серьезных угроз общественной безопасности. История политических конфликтов свидетельствует о том, что по мере усиления политических разногласий и роста радикализации граждан к экстремистским действиям прибегают как противники, так и сторонники действующих властей, что в свою очередь усиливает радикализацию в обществе. Основные причины подобных процессов, по всей видимости, лежат в социально-политической сфере, однако анализ индивидуальных различий в подверженности радикализации требует учета возможных психологических факторов склонности к экстремистским убеждениям.

Поскольку экстремизм в большинстве случаев связан с насилием, многие исследователи приходят к выводу о том, что оправдание или культ агрессии и насилия выступают в качестве важного элемента экстремистского мировоззрения. К примеру, в исследовании Л. Станкова, основанном на анализе содержания большого числа текстов, отражающих разные проявления воинствующего экстремизма, было выделено три характерных для экстремистского мировоззрения фактора [Stankov]. Одним из этих факторов выступает убеждение в необходимости и оправданности насилия. В ходе анализа личностных диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдов выделяет культ силы и агрессивность [Давыдов]. В обобщающих работах по проблемам экстремизма присутствует общее мнение о том, что оправдание и поддержка насильственных действий является одним из важных элементов процесса радикализации личности [Kruglanski et al.; McCauley, Moskalenko].

Подобное представление об оправданности насилия в социологии и психологии рассматривается на основе социологической теории культурного излишка Л. Бэрона и М. Страуса [Baron, Straus, Jaffee]. В соответствии с этой теорией чем больше общество оправдывает насилие для достижения социально одобряемых целей (например, борьба полиции с преступностью), тем выше распространенность противозаконного насилия (к примеру, изнасилований). Иными словами, тенденцию к оправданию агрессии сложно ограничить той узкой сферой, где принято считать её оправданной. Вместо этого она легко переносится в другие сферы, размывая ограничения на применение насилия и тем самым повышает распространенность насильственных преступлений. С психологической точки зрения важно учитывать, в какой мере оправдывающие насилие культурные нормы и стереотипы усваиваются личностью, насколько широко применяются для оправдания своих и чужих насильственных действий. В нашей стране исследованиями в этом направлении занимается С.Н. Ениколопов с коллегами [Ениколопов, Цибульский; Ениколопов, Чудова], опираясь на понятие легитимизации агрессии как процесса «обоснования приемлемости и оправданности различных форм агрессивного поведения путем атрибуции общественно одобряемого (легитимного) статуса» [Ениколопов, Цибульский: 92].

Рассматривая вероятные психологические факторы, поддерживающие оправдание или, наоборот, осуждение насилия, в первую очередь необходимо назвать моральные нормы и ценности. Действительно, нормы морали, предписывающие заботу о других людях и непричинение вреда, очевидно, противоречат оправданию насилия. Точно так же ценности универсализма (заботы о благополучии всех людей, защиты всего живого, терпимости) и благожелательности (заботы

о благополучии окружающих, доброты), скорее всего, сочетаются с осуждением любого насилия. В то же время известно, что моральные нормы и ценности не всегда осуждают агрессию: в частности, моральные нормы лояльности своей национальной или религиозной группе и почитания её лидеров могут поддерживать оправдание насилия в адрес других групп или «отступников», нарушителей норм своей группы. Точно так же консервативные ценности (сохранения и почитания культурных и религиозных традиций) могут в некоторых ситуациях поддерживать и оправдывать насилие к тем, кто является нарушителем норм и традиций или просто не почитающим эти традиции «чужаком». Таким образом, вероятная противоречивая связь моральных норм и ценностей с легитимизацией насилия и экстремистских установок представляется достаточно сложной и требует специального исследования.

Учитывая тот факт, что насилие в общественной жизни регламентируется и ограничивается законом, в ходе анализа психологических факторов легитимизации насилия важно учитывать особенности правового сознания. Правовой нигилизм как негативное отношение к закону и практике его применения, отрицание верховенства закона может оказаться одним из важных факторов легитимизации насилия в политической сфере.

Таким образом, целью данного исследования стал анализ связи экстремистских установок (включая националистические, фанатические, ксенофобские установки, а также легитимизацию политического и протестного насилия) с моральными основаниями, базовыми ценностями и правовым нигилизмом. Для достижения поставленной цели потребовалась разработка шкалы легитимизации протестного насилия с предварительным анализом её структуры, надёжности и валидности.

Гипотезы. Экстремистские установки и легитимизация насилия в политической сфере связаны с моральными нормами и ценностями: индивидуализирующие моральные основания, включающие нормы заботы и справедливости, а также ценности самопреодоления (универсализма и благожелательности) противостоят экстремизму и оправданию насилия. В то же время включающие нормы лояльности группе, уважения, чистоты, сплачивающие моральные основания, поддерживают экстремистские установки и легитимизацию политического насилия. Правовой нигилизм также является фактором, поддерживающим легитимизацию политического насилия и экстремистские установки.

Методы и выборка. Для измерения экстремистских установок использовался соответствующий опросник К.В. Злоказова [Злоказов]. В данном исследовании применялись три шкалы из четырёх, входящих в опросник: национализм, ксенофобия и фанатизм (религиозный). Шкала авторитаризма не использовалась ввиду того, что ранее она по-

казала неудовлетворительную надёжность [Сычев, Жихарева].

Для оценки легитимизации политического насилия использовалась соответствующая шкала из опросника легитимизации агрессии (ЛА-44) С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского [Ениколопов, Цибульский]. Надёжность шкалы в данном исследовании (коэффициент α Кронбаха) составила 0,75. Утверждения, входящие в эту шкалу, характеризуют степень принятия и оправдания насилия в разных сферах политической жизни: в отношениях с другими странами, поддержании порядка внутри страны, использовании насилия (смертной казни) как уголовного наказания и пр. Подобный состав шкалы затрудняет анализ отношения к конкретным проявлениям политического насилия. По этой причине в дополнение к этой методике нами была составлена аналогичная шкала, более узкая по содержанию, из пяти утверждений, предназначенная для оценки склонности к оправданию насилия в ходе политических протестов (текст заданий см. на рис.). В обеих шкалах использовалась семибалльная шкала ответов. Надёжность и факторная структура предложенной шкалы легитимизации протестного насилия подробно рассмотрена далее.

Особенности моральной сферы личности оценивались с помощью опросника моральных оснований [Сычев, Протасова, Белоусов; Graham et al.], включающего пять первичных шкал (здесь и далее в скобках приведены полученные в данном исследовании коэффициенты надёжности α Кронбаха): забота (0,69), справедливость (0,66), лояльность (0,68), уважение (0,72), чистота (0,66). Кроме того, опросник включает два более общих показателя: индивидуализирующие моральные основания (0,81), сплачивающие моральные основания (0,84).

Ценности измерялись с помощью сокращённой версии опросника Ш. Шварца, применявшейся в анкете Европейского социального исследования (ESS-21) [Европейское Социальное Исследование]. Методика включает в себя 21 пункт и позволяет оценить 10 базовых ценностей, а также четыре ценности высшего порядка: ценности открытости изменениям (0,70), ценности сохранения (0,62), ценности самоутверждения (0,81) и ценности самопреодоления (0,66). При анализе данных использовались только последние четыре шкалы, показавшие приемлемую для исследовательских целей надёжность.

Для оценки правового сознания использовался опросник правового нигилизма [Протасова, Сычев, Аношкин], включающий шкалы идеологического правового нигилизма как неверия в закон, отрицание института права как такового (0,75) и прагматического правового нигилизма как недоверия к правоохранительным органам и правоприменительной практике (0,73).

Выборку составили 114 студентов 1–2 курсов АГПУ им. В.М. Шукшина в возрасте от 18 до 26

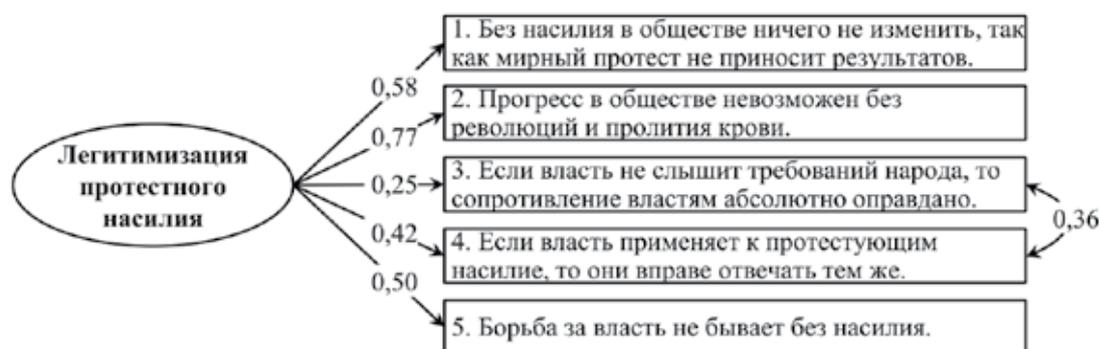

Рис. 1. Структурная модель шкалы легитимизации протестного насилия (все приведенные коэффициенты значимы при $p \leq 0,05$; остатки опущены для упрощения рисунка)

Таблица 1

Корреляции экстремистских установок с моральными основаниями, базовыми ценностями и правовым нигилизмом ($N = 114$)

Шкалы и показатели	Экстремистские установки			Легитимизация насилия	
	Национализм	Ксенофобия	Фанатизм	Политического	Протестного
<i>Моральные основания</i>					
Забота	-0,28**	-0,18	-0,09	-0,20*	-0,17
Справедливость	-0,26**	-0,19*	-0,15	-0,14	-0,07
Лояльность	0,18	0,15	0,21*	0,31***	0,13
Уважение	0,22*	0,21*	0,35***	0,18	-0,09
Чистота	0,07	0,09	0,21*	0,05	-0,05
Индивидуализирующие моральные основания	-0,29**	-0,20*	-0,13	-0,19*	-0,13
Сплывающие моральные основания	0,19*	0,18	0,31***	0,21*	-0,01
<i>Базовые ценности</i>					
Ценности сохранения	0,15	0,19	0,10	0,18	-0,04
Ценности открытости изменениям	-0,06	-0,17	-0,24**	-0,14	0,01
Ценности самоутверждения	0,14	0,08	0,04	0,15	0,16
Ценности самопреодоления	-0,29**	-0,13	-0,07	-0,31***	-0,18
<i>Правовой нигилизм</i>					
Идеологический правовой нигилизм	0,22*	0,16	-0,04	0,39***	0,42***
Прагматический правовой нигилизм	0,08	0,05	-0,10	0,35***	0,47***
Среднее значение	1,44	1,37	1,57	2,51	3,19
Стандартное отклонение	0,49	0,51	0,62	0,86	1,17
Надежность (α -Кронбаха)	0,67	0,65	0,71	0,75	0,66

Примечания: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

лет (среднее значение $M = 18,79$; стандартное отклонение $SD = 1,44$), из них 27 % мужчин. Статистическая обработка результатов проводилась с использованием программы Mrplus 8 и среды разработки R.

Результаты и обсуждение. Для анализа структуры предложенной шкалы легитимизации протестного насилия сначала был выполнен exploratory факторный анализ методом минимальных остатков. По критерию каменистой осыпи лучшим представляется однофакторное решение, объясняющее 30 % дисперсии, при этом факторные нагрузки на общий фактор лежат в пределах 0,39–0,67. При опоре на результаты параллельного анализа выделяется два умеренно коррелирующих между

собой фактора ($r = 0,39$), объясняющих 49 % дисперсии. При этом второй фактор состоит из двух пунктов (№ 3 и 4), что позволяет предположить наличие корреляции их остатков. Предположение об однофакторной структуре шкалы с корреляцией остатков пунктов 3 и 4 было проверено в ходе confirmatory факторного анализа. Оценка однофакторной модели с коррелирующими пунктами 3 и 4 (рис. 1) показала хорошее соответствие данным: $\chi^2 = 3,32$; $df = 4$; $p = 0,506$; CFI = 1,000; TLI = 1,027; RMSEA = 0,000; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,000–0,130; PCLOSE = 0,637; $N = 114$. При этом один пункт (№ 3) показывает невысокую факторную нагрузку на общий фак-

тор (0,25), что говорит о необходимости доработки шкалы в следующих исследованиях. В целом результаты проведенного анализа шкалы легитимизации протестного насилия подтверждают её однофакторную структуру.

Значение коэффициента α -Кронбаха для предложенной шкалы составило 0,66, что указывает на невысокую, но приемлемую для исследовательских целей надежность [DeVellis]. В пользу валидности этой шкалы свидетельствует высокая корреляция ($r = 0,62$; $p \leq 0,001$) со шкалой легитимизации политического насилия, измеряющей аналогичный более общий конструкт. Таким образом, полученные предварительные оценки психометрических характеристик шкалы позволяют сделать вывод о возможности её использования в исследовательских целях.

Приведенные в таблице (табл. 1) корреляции свидетельствуют о наличии множества связей между изучаемыми показателями. Национализм показывает обратные связи с заботой и справедливостью при наличии прямой связи с уважением. Соответствующие связи национализма обнаружались также с общими показателями индивидуализирующих и спланивающих моральных оснований. Национализм также показывает обратную корреляцию с ценностями самопреодоления и прямую – с идеологическим правовым нигилизмом. Эти связи указывают на то, что националистические установки поддерживаются моральными нормами уважения авторитетов и традиций при слабости веры в закон и право. Противостоят националистическим установкам моральные нормы и ценности заботы о слабых и беззащитных, равного и объективного отношения ко всем людям, альтруистические ценности, связанные с преодолением узких собственных интересов во имя блага других людей.

Ксенофобия аналогичным образом показывает обратную связь со справедливостью и индивидуализирующими моральными основаниями в целом, а также прямую связь с уважением. Это означает, что ксенофобские установки также поддерживаются моральными нормами уважения авторитетов и традиций при слабости моральных норм справедливого и равного отношения ко всем людям.

Фанатизм показал статистически значимые прямые связи со всеми спланивающими моральными основаниями и их агрегированным показателем, а также обратную связь с ценностями открытости изменениям. Следовательно, религиозный фанатизм сочетается с отрицанием ценности нового опыта, перемен и хорошо согласуется со спланивающими моральными основаниями, которые, с одной стороны, могут быть следствием высокой религиозности, а с другой стороны, могут одновременно поддерживать и укреплять фанатизм в результате чрезмерной приверженности ценностям своей религиозной группы.

Переходя к анализу легитимизации насилия, необходимо в первую очередь отметить, что её показатели демонстрируют умеренную связь лишь с некоторыми экстремистскими установками, измеренными с помощью методики К.В. Злоказова. В частности, легитимизация политического насилия коррелирует с национализмом ($r = 0,41$; $p \leq 0,001$) и ксенофобией ($r = 0,22$; $p \leq 0,05$), а легитимизация протестного насилия – только с национализмом ($r = 0,25$; $p \leq 0,01$). Это может означать, что легитимизация насилия, будучи умеренно связанной с другими экстремистскими установками, выступает в качестве самостоятельного конструкта, обладающего особым содержанием.

Вместе с тем связи легитимизации политического насилия с другими показателями аналогичны тем, которые демонстрируют националистические установки. Обнаружены статистически значимые обратные связи с индивидуализирующими моральными основаниями в целом и, в частности, заботой, а также прямые связи со спланивающими моральными основаниями в целом и, в частности, с лояльностью. Подобно националистическим установкам легитимизация политического насилия обратно связана с ценностями самопреодоления, а его прямая связь с правовым нигилизмом касается как идеологического, так и прагматического нигилизма. Таким образом, можно сказать, что ценностные и моральные основы являются довольно сходными, общими как для националистических установок, так и для легитимизации политического насилия. В то же время, несмотря на тесную связь легитимизации политического и протестного насилия ($r = 0,62$; $p \leq 0,001$), последняя демонстрирует иной паттерн связей: она вовсе не связана с особенностями моральной и ценностной сфер личности, но при этом существенно коррелирует с обеими формами правового нигилизма. Следовательно, единственным, но весьма существенным фактором легитимизации протестного насилия является высокий уровень правового нигилизма.

Выводы:

1. Экстремистские установки молодежи связаны с особенностями моральной сферы личности. Фанатизм и национализм поддерживаются спланивающими моральными основаниями (прежде всего, уважением к авторитетам и традициям), в то время как национализму и ксенофобии противостоят индивидуализирующие моральные основания (забота и справедливость).

2. Легитимизация политического насилия как один из элементов экстремистского мировоззрения также поддерживается спланивающими моральными основаниями (в первую очередь, лояльностью), в то время как индивидуализирующие моральные основания ей противостоят.

3. Национализму и легитимизации политического насилия противостоят ценности самопреодоления, включающие заботу, доброту, терпимость.

Религиозному фанатизму противостоят ценности открытости изменениям.

4. Правовой нигилизм поддерживает националистические установки, а также легитимизацию политического насилия в целом и насилия в ходе политических протестов в частности.

Список литературы

Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма // Психология и право. 2017. Т. 7, № 1. С. 106–121. DOI 10.17759/psylaw.2017070109.

Европейское Социальное Исследование в России. URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения: 24.10.2020).

Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. С. 90–98.

Ениколопов С.Н., Чудова Н.В. Агрессивность и имплицитная теория насилия // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 18–26.

Злоказов К.В. Экстремистские установки в молодежной среде: психологические особенности и метод их исследования. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. 80 с.

Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В. Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 158–173. DOI 10.17759/psylaw.2020100311.

Сычев О.А., Жихарева Е.В. Взаимосвязь особенностей моральной сферы и экстремистских установок в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1. С. 185–193. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193.

Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 88–115. DOI 10.21702/rpj.2018.3.5.

Baron L., Straus M.A., Jaffee D. Legitimate Violence, Violent Attitudes, and Rape: A Test of the Cultural Spillover Theory. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1988, vol. 528 (1), pp. 79–110. DOI 10.1111/j.1749-6632.1988.tb50853.x.

DeVellis R.F. Scale development: theory and applications. Scale development. Newbury Park, Calif. Sage, 1991, 121 p.

Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, vol. 101, pp. 366–385. DOI 10.1037/a0021847.

Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Political Psychology*, 2014, vol. 35, pp. 69–93. DOI 10.1111/pops.12163.

McCauley C., Moskaleiko S. Mechanisms of political radicalization: Pathways toward terrorism. *Terrorism and political violence*, 2008, vol. 20, № 3, pp. 415–433.

Stankov L. Militant extremist mind-set: Provocation, Vile World, and Divine Power. *Psychological assessment*, 2010, vol. 22 (1), pp. 70–86. DOI 10.1037/a0016925.

References

Davydov D.G. *Lichnostnye dispozitsii nasil'stvennogo ekstremizma* [The personal dispositions of violent extremism]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017, vol. 7, № 1, pp. 106–121. (In Russ.). DOI:10.17759/psylaw.2017070109.

Evropeiskoe Sotsial'noe Issledovanie v Rossii [European Social Survey in Russia]. URL: <http://www.ess-ru.ru> (access date: 24.10.2020). (In Russ.).

Enikolopov S.N., Tsibul'skii N.P. *Izuchenie vzaimosvazi legitimizatsii nasiliia i sklonnosti k agressivnym formam povedeniia* [Research on the Connection between Legitimization of Violence and Tendency towards Aggressive Behaviour]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2008, № 1, pp. 90–98. (In Russ.).

Enikolopov S.N., Chudova N.V. *Agressivnost' i implitsitnaia teoriia nasiliia* [Aggressiveness and the implicit theory of violence]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 2017, № 2, pp. 18–26. (In Russ.).

Zlokazov K.V. *Ekstremistskie ustanovki v molodezhnoi srede: psikhologicheskie osobennosti i metod ikh issledovaniia* [Extremist attitudes among youth: psychological characteristics and the method of their research]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2014, 80 p. (In Russ.).

Protasova I.N., Sychev O.A., Anoshkin I.V. *Tsennostnye i moral'nye osnovy pravovogo nigilizma molodezhi* [Values-related and Moral Foundations of legal Nihilism of Youth]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, vol. 10, № 3, pp. 158–173. (In Russ.). DOI 10.17759/psylaw.2020100311.

Sychev O.A., Zhikhareva E.V. *Vzaimosviaz' osobennostei moral'noi sfery i ekstremistskikh ustanovok v studencheskoi srede* [Moral Foundations vs. Extremist Attitudes in University Students]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2020, vol. 22, № 1, pp. 185–193. (In Russ.). DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193.

Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. *Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiia russkoiazychnoi versii oprosnika MFQ* [Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2018, vol. 15, № 3, pp. 88–115. (In Russ.). DOI 10.21702/rpj.2018.3.5.